

В статье рассматриваются общие вопросы актуальности исследований проблемы молодёжного экстремизма в современной России. Анализируются внутренние и внешние факторы, способствующие эскалации экстремистских настроений в молодёжной среде. Рассматриваются основные типы экстремистских идей, воспринимаемых молодёжью современной России.

● молодёжь ● экстремизм ● факторы и причины экстремизации молодёжи ● формы проявлений экстремизма

Проблема молодёжного экстремизма сохраняет свою остроту во всем мире. Конфликты, протестные выступления и террористические атаки на Ближнем Востоке, в Европе и других регионах мира, произошедшие за последний год, наглядно свидетельствуют об этом. В России ситуация, в целом, выглядит относительно благополучной, однако риски экстремизации сознания молодёжи существуют. Прежде всего, эти риски актуальны для полиэтничных регионов, регионов с высокой миграционной нагрузкой. Об этом свидетельствуют явные признаки межэтнической и межконфессионально напряжённости, социально-протестные настроения в молодёжной среде. На наличие этих тревожных признаков в современной российской действительности указывают многие современные исследователи, выявляют их и наши исследования.

Следует подчеркнуть, что речь не идёт о каком бы то ни было алармизме или попытках «торговли страхом». Российское общество достаточно стабильно, большая часть молодёжи поддерживает ставший трендом последних лет ренессанс государственно-патриотических идей, дистанцируется от идей национализма и религиозной вражды. Ситуация, повторимся, пока (именно *пока!*) вполне благополучная. Однако глупо было бы игнорировать или от-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 15-18-00038 «Экстремизм и этносоциальные конфликты в молодёжной среде полиэтничного региона: прогнозирование и профилактика»

Молодёжный экстремизм в фокусе исследования: вводные замечания¹

Хагуров Темыр Айтчевич,
доктор социологических наук,
профессор Кубанского
государственного
университета,
e-mail: khagurov@mail.ru

рицать наличие в российском обществе в целом и его отдельных сегментах «узлов критичности», обусловленных сложным сочетанием различных факторов: социальных, экономических, идеологических, религиозных, этнических, демографических, культурных и пр. Такие узлы критичности при определенных условиях легко переходят в нестабильное состояние, что всегда сопровождается эскалацией конфликтности и протеста.

Риски возможного нарастания критичности и нестабильности в российском обществе обусловлены, по нашему убеждению, двумя группами причин: внешними и внутренними. К первым следует отнести то «стратегическое охлаждение» отношений России с Западом (прежде всего США), которые многие аналитики уже давно и уверенно называют «новой холодной войной». Глубокий политический и идеологический конфликт, поводом к которому послужило присоединение к России Крыма, поддержка сопротивления на Юго-Востоке Украины и правительства Б. Асада в Сирии, носит явно долговременный характер. Экспорт в Россию экстремистских идей и настроений различного содержания и генезиса – важная слагаемая этого конфликта. Подчеркнём, речь не идёт о «теории заговора», многие экстремистские организации, запрещённые в России, такие как украинский «Правый сектор» или российский «Имарат Кавказ» (ставший частью международной сети «ИГИЛ»), прямо говорят о том, что подобный экспорт с целью дестабилизации российского общества и власти ими активно осуществляется. Однако об этом говорят не только они.

Вот, что пишет создатель и руководитель одной из наиболее эффективных американских разведывательно-аналитических компаний «Stratfor» Дж. Фридман: *«Если обойтись без риторики, сохранение мира в Евразии не является одним из первостепенных интересов Соединенных Штатов <...> Как в случае с Вьетнамом или Кореей, цель этих конфликтов состоит в том, что бы*

просто чинить препятствия определенной стране или дестабилизировать ситуацию в регионе, а не наводить порядок»².

Поскольку Россия определена Пентагоном как одна из главных угроз американским национальным интересам, «экспорт нестабильности» (прежде всего в форме экстремистских настроений) в нашу страну становится важнейшим направлением американской информационно-военной стратегии.

Внутренние факторы риска следует, на наш взгляд, разделить на две группы: «грубые» и «тонкие». В числе первых такие «объективные» проблемы, как высокая степень разнообразия этнического и конфессионального состава российского общества, неравномерность социально-экономического развития в регионах, миграционные потоки, снижение уровня жизни. К «тонким» факторам следует отнести последствия двух глубочайших культурных травм, пережитых российским обществом в конце 80-х – 90-х гг. прошлого века. Первая из них – это травма исторического самосознания, повлекшая за собой кризис национально-исторической идентичности, пробуждение исторически обусловленных «спящих» очагов территориальной, этнической и конфессиональной конфликтности. Подробно об обстоятельствах и последствиях получения обществом этой травмы мы пишем в совместной статье с А.А. Остапенко, посвященной роли образовательной политики в профилактике экстремизма. Вторая травма – травма духовно-идеологического сознания, ставшая следствием агрессивной деидеологизации советского общества в конце 1980-х гг., осуществляемой средствами искусства и СМИ. Результатом этой травмы стала резкая примитивизация духовно-идеологических потребностей общества, распространение крайних форм нигилизма, индивидуализма, различных форм девиантного поведения, доминирование в общественном сознании потре-

² Fridman, G. The Next 100 Years: A Forecast for the 21st century. N.Y. Doubleday. 2009. – P. 46.

бительских настроений, демобилизация национального самосознания, социокультурная фрагментацию социума. Последствия обеих травм, будучи в значительной мере, преодолены, ощущаются до сих пор, осложняя процессы интеграции общества, формирования единой общероссийской государственной идентичности, борьбу с экстремистскими настроениями в молодёжной среде.

Наши исследования проводились преимущественно в Краснодарском крае. Краснодарский край представляет собой по сути «идеальную модель» полиэтничного российской социума (в крае проживают представители свыше 120 национальностей и более 30 религиозных конфессий³) и является приграничным регионом с высокой интенсивностью миграционных потоков. Поэтому мы полагаем, что основные выводы, полученные в ходе наших исследований, могут быть (с определенными ограничениями) экстраполированы на ситуацию в российском обществе в целом.

Разумеется, мы не единственный научный коллектив, изучающий проблемы молодёжного экстремизма в России и за рубежом. Большинство исследователей, занятых проблемой молодёжного экстремизма подчеркивают, что последнему присущ ряд особенностей, отличающих его от экстремизма взрослых, в числе которых можно указать подростковый максимализм, высокую эмоциональность конфликтных ситуаций, некритическое отношение к совершаемым поступкам и их последствиям, недостаточную интеллектуальную и информационную подготовку перед угрозой влияния экстремистских идей и учений.

Такие идеи и учения принимают три основные формы: *этнические, профессиональные и политические* (социально-протестные) и

³ Официальная статистика: Население / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю [электронный ресурс], URL: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts_krsdstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 12.02.2015 г.)

все они, как показывают наши исследования, находят поддержку среди определённых групп молодёжи. Сопоставление результатов количественного исследования и анализа интернет-ресурсов позволило систематизировать основные идеи, порождающие проявления соответствующих форм экстремизма в молодёжной среде.

Так, экстремизм, связанный с национальным фактором, выступает с позиции защиты «своей нации», её прав, её интересов, отвергая или игнорируя подобные же права других этнических групп. Обнаруживают себя *три основные идеологии* этнического экстремизма, получающие сегодня распространение среди части молодёжи.

1. *Идеология национального превосходства*, в значительной степени восходящая к идеологии нацизма времен Второй мировой войны. К сожалению, подобная идеология находит поддержку среди части молодёжи, сопрягающей идею исключительности нации и необходимость её «очищения» с обсуждением социальных, экономических и культурных проблем общества. В большей степени эта идея присуща сообществам русских националистов, хотя находит поддержку и среди националистов кавказских.

2. *Идеология национального реванша*, основанная на воспоминании каких-либо травмирующих эпизодов межнациональных отношений и требовании «возмещения ущерба», «восстановления справедливости», «компенсации», «преодоления» и т.п. Типичный пример – это т.н. «черкесский вопрос», апеллирующий к трагическому опыту Кавказской войны и требующему «покаяния и компенсации за геноцид черкесов». Эта идеология активно распространяется среди части адыгско-черкесской молодёжи и интеллигенции (а также молодёжи и интеллигенции других национальных республик Кавказа и Поволжья) и создаёт идеологическую основу для отделения от России некоторых регионов (Кавказа в целом, «Черкессии» и т.п.). В огромной степени популярность этих идей связана с

последствиями исторической травмы, упоминавшейся во введении.

3. *Идеология национальной изоляции* часто является ответом на национальные конфликты и трения. Лозунги типа «Россия для русских!», «Кавказ для кавказцев!» – типичные примеры такой идеологии. Как и в предыдущем случае следование ей ведёт к распаду *многонационального* государства на *мононациональные* осколки. В этих идеях интегрируются темы социальных проблем, культурного кризиса с межэтническими и политическими идеями. Для значительной части симпатизирующих националистическим идеям, это способ компенсации различных симптомов личной неуспешности, маргинальности, духовно-идеологического вакуума.

Тесно связывается с националистическими идеями и *политический экстремизм*, эксплуатирующий темы социальной несправедливости, коррупции, нечестности и «предательства» власти. Соответственно, политический экстремизм как правило связан с социально-протестными формами молодёжной активности. Это идеи, использующие объективные проблемы (в экономике, социуме, культуре) для «разогрева», эксплуатации чувства справедливости, часто с использованием приёмов эмоционального воздействия на аудиторию.

Часто ударной силой протестных движений становятся *футбольные фанаты-ультрас*, имеющие большой опыт насилия и столкновения с законом. Это достаточно хорошо организованные и управляемые сообщества, сохраняющие внутреннюю неоднородность. Среди них есть вполне «умеренные» группы, для которых фандвижение – это способ реализации и выплеска эмоций. Но существуют и группы, заражённые идеями национализма и других форм экстремизма (в том числе религиозного и протестного), готовые к применению насилия в отношении мирных граждан и представителей власти.

Религиозный экстремизм проявляет себя главным образом в идеях *радикального исламизма*. Это: 1) признание шариата (мусульманского права) единственным возможным всеобщим законом как для мусульман, так и для представителей всех иных конфессий и мировоззрений, проживающих с мусульманами в одном государстве; 2) призыв к тотальному *джихаду* (священной войне) с *кафирами* (неверными - всеми не разделяющими радикальные идеи исламизма); 3) призыв и стремление к воссозданию *халифата* в новой версии (в которой нет места представителям иных религий и культуры, в прошлых версиях, заметим, оно существовало) и прежних территориальных границах (относительно которых у самих исламистов нет согласия)⁴.

Во многом причины активизации исламистских идеологов связаны с глубоким кризисом религиозного сознания в современной потребительской культуре, игнорирующей вопросы духовности, поиска смысла, агрессивно разрушающей традиционные ценности. Обращаясь к верующим с призывом принять участие в «священной войне» с мировым злом, проповедники радикального исламизма *дегуманизируют* всех не согласных с их точкой зрения, объявляя их врагами ислама, «служителями зла», «проклятыми Аллахом» и, соответственно, заслуживающими безжалостного подчинения или уничтожения.

На наш взгляд, имеет смысл говорить об общих социально-психологических причинах, облегчающих восприятие идей религиозного, националистического и протестного экстремизма молодёжью. Во-первых, это упрощённый и соответственно, удобный для значительной части молодых людей способ интерпретации сложных политических, социальных и этноконфессиональ-

⁴ Различные радикальный исламистские группировки отстаивают разные версии халифата, но практически во всех версиях в его территорию включается значительная часть России (Кавказ, Республики Поволжья), все государства Ближнего Востока и Центральной Азии, существенная часть Индии и Китая.

ных проблем. Чёрно-белая картина мира, дающая понятные примеры воплощения «добра» и «зла», ясный образ врага, простые рецепты решения сложных проблем, гарантия принадлежности к «великим» проектам – всё это удобные к принятию и использованию суррогаты смысла, позволяющие удовлетворить духовные запросы и потребности, компенсировать идеологический вакуум без особого «замораживания» и напряжённых усилий, всегда сопровождающих настоящий духовный поиск. Это резонирует с наличием многих объективно существующих проблем и многочисленных примеров различных проявлений «зла», с которыми молодёжь сталкивается в повседневной жизни.

Невозможность самореализации и самоутверждения (столь важных в подростковом и юношеском возрасте), вызывающие проблемы с самооценкой – ещё одна причина облегчающая восприятие экстремистских идей. Их принятие даёт ощущение превосходства над «обывателями» («пиплом», «стадом», «ватой», «сынами погибели» и т.д.) и ощущение принадлежности к «Великому проекту» («Войне со Злом» и т.п.), позволяет переключиться от необходимости работы над собой (всегда трудоёмкой и дискомфортной) к «борьбе с врагами», которые объявляются виновными во всех проблемах.

Наконец, играет роль и тот факт, что идеологи радикальных учений часто оказываются гораздо более изобретательными и технологичными, нежели «традиционные воспитатели» в своих попытках достучаться до сознания молодёжи, используют более понятные последней способы подачи и интерпретации информации.

Мы глубоко убеждены, что в работе с молодёжью нельзя отвечать идеологам радикализма симметричной стратегией. Если они делают ставку на «злое упрощение»,

то наша задача – опереться в работе с молодёжью на «добрую сложность». Мы должны преодолеть тенденцию упрощенчества (глубоко укоренённую в современной массовой культуре) и привить молодёжи вкус к сложности – способности к многомерному, полифоничному, и вместе с тем ценностно фундированному восприятию противоречий и проблем современной действительности, умению аналитически и широко мыслить, любви к подлинным ценностям.

Отсюда вторая важнейшая задача – научить молодёжь за различными религиозными, политическими и этническими идеями различать гуманизм и *антигуманизм*, чьё противостояние в современном мире определяет динамику мирового процесса в целом. Главная роль здесь принадлежит не силовикам и правоохранителям, а педагогам и воспитателям.

Существует старый педагогический афоризм: «Ученик – это не сосуд, который нужно наполнить, а факел, который нужно зажечь». Применительно к нашим сегодняшним реалиям это может звучать так: нам «нужно зажечь подмокший факел под дождём отсыревшими спичками». И у нас это должно получиться, поскольку от этого зависит наше будущее.

Литература

1. *Fridman, G. The Next 100 Years: A Forecast for the 21st century.* N.Y. Doubleday. 2009. P.46.
2. Официальная статистика: Население / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю [электронный ресурс], URL: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts_krsdstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 12.02.2015 г.).